

тридцать мы были внизу и ждали Суркова. В восемь пятнадцать мы уже летели в самолете.

В десять пятьдесят мы приземлились в аэропорту под Сочи. Нас посадили в роскошную черную “чайку” с занавесками на окнах и шофером, который, держа руку на клаксоне, помчал нас быстрее ветра. Через час мы уже пересекли границу Грузии и подъехали к гостинице Министерства здравоохранения Грузинской ССР. Мы должны были умыться, отдохнуть и немного поесть, а потом проехать еще двадцать минут до дачи премьер-министра.

Ресторан и гостиная были внизу. Наш с Фростом номер располагался на втором этаже. Балкон выходил в буйно разросшийся субтропический сад с пальмами, бананами, апельсиновыми и лимонными деревьями. За ним раскинулось море, лазурное и прекрасное в золотистом свете южного солнца.

Фрост чувствовал себя хуже. Он лежал. Дремал. Жаловался на усилившуюся боль в животе. Нет, он не хочет есть и пить, только немного “грушовки”, сказал он, имея в виду газировку с грушевым ароматизатором, к которой он питал слабость.

Остальные члены группы сели обедать в гостиничном ресторане, несколько сконфуженные. Представители принимающей стороны были огорчены. Я нервничал не меньше Фроста. Я постоянно выходил из-за стола и навещался к нему. Когда я во второй раз спросил, не нужно ли вызвать врача, он согласился.

Пришел директор гостиницы. Мы измерили Фросту температуру. Фрост сказал, что не в состоянии никуда ехать. Я сказал, что лучше вызвать врача. Через двадцать минут по пригорку поднялась молодая девушка (большинство врачей в России — женщины). Она была в белом халате и несла в руке специальный докторский чемоданчик. Она еще раз измерила